● ПАМЯТЬ

9 августа 1945 года...

У СТАНЦИИ Экинохара комсомолец, младший сержант Борис Николайчук со своим орудийным расчетом прямой наводкой подавил несколько огневых точек врага. Получив тяжелое ранение, Николайчук продолжал вести непрерывный огонь, пока не пал смертью храбрых. Ныне станция носит его имя.

В боях за станцию Футомата мужество и стойкость проявил командир артиллерийского расчета Евгений Чапланов. Воины расчета прямой наводкой уничтожили несколько огневых точек, но сами попали под огонь противника. Появились убитые и раненые. Евгений Чапланов истекал кровью, но продолжал вести огонь. Отважный воин погиб, но не отступил. На щите орудия оказалось 72 пробоины. Имя бесстрашного советского командира было увековечено в названии ближайшей к месту боя железнодорожной станции.

Боевые действия десантников поддержала корабельная артиллерия и авиация флотилии. В ночь на **23 августа** 113-я стрелковая бригада овладела населенным пунктом Футомата (Чапланово) и, не встречая более организованного сопротивления противника, продолжала наступать в общем направлении на Рудака (Анива), Отомари (Корсаков).

В период **20 и 21 августа** 1945 г. шла деятельная подготовка к высадке десантных подразделений в город и порт Отомари (Корсаков). Здесь находилась крупная военно-морская база Японии.

К утру **23 августа** в Маоко было сосредоточено три батальона морской пехоты общей численностью 1600 человек, которые объединились в сводную бригаду моряков Северной Тихоокеанской флотилии.

В 5 час. 30 мин. **23 августа** минный заградитель «Океан», 8 тральщиков, 4 сторожевых и 6 торпедных катеров с десантом на борту вышли из Маоко. К вечеру погода резко ухудшилась, поднялся шторм до 7—8 баллов. Тросы, на которых тральщики буксировали торпедные катера, часто рвались. Катера заливало водой, и создавалась угроза их потери. Всю ночь моряки боролись со стихией. Исключительное мужество в борьбе со штормом проявил личный состав 17-го отдельного дивизиона тральщиков под командованием капитан-лейтенанта Ф. И. Усатенко. Старшины и матросы мастерски заводили на катера новые буксирные концы, рискуя подчас жизнью. Самоотверженно действовали и экипажи торпедных катеров.

В 6 часов **25 августа** корабли подошли к причалам порта и приступили к высадке десанта. Она прошла быстро и четко. Одновременно к восточной окраине города прибыли подразделения 113-й стрелковой бригады. Японский гарнизон численностью 3400 солдат и офицеров сложил оружие и сдался в плен. К полудню 25 августа боевые действия на острове закончились.

В ИТОГЕ южно-сахалинской наступательной операции группировка противника была разгромлена. Советские части пленили 18320 японских солдат и офицеров. В плен попали многие старшие офицеры вместе со штабами и органами управления. В ожесточенных боях с сильным и коварным врагом войска 56-го стрелкового корпуса, корабли и авиация Северной Тихоокеанской флотилии с честью выполнили долг перед Родиной, вернули ей исконно русскую землю — Южный Сахалин.

К. АНТОНОВ.

(Продолжение следует. Начало в № 90).

Сегодня на 3-й стр.:

✦ **ИТАК, младое поколение размышляет, что же такое вера истинная и чистосердечная. Поможем ему в этом, чтобы без обиды?**

● ИЗ ПОЧТЫ «ВОСХОДА»

Пардон, но вы не правы, господин студент!

«ПОДУМАЛ я, господа хорошие, и решил, что надо мне как-то откликнуться и выразить свое отношение к статье «О вере истинной, чистосердечной...», и к газете «Восход», в которой оная статья была напечатана 12 августа сего года, потому как тема больно интересная, да и летнюю практику отрабатывать надо»...

Это начальные строки из полученного нами письма, которое редакция, в полном соответствии с Законом о СМИ, столь любезным сердцу автора письма — студенту-журналисту Красноярского госуниверситета А. К., использует по своему усмотрению, не искажая общей сути полученной эпистолы.

Поскольку дальнейшие строки касаются анализа деятельности газеты «Восход», правомерности ее учредительства и т. п., то мы эту часть письма опускаем, ибо студента А. К. все же более волнует судьба корсаковских «Свидетелей Иеговы», словно бы волею автора упоминаемой статьи С. Клина оказавшихся отторгнутыми от прав, даруемых нам, в том числе и «Свидетелям», статьей Конституции о свободе совести. Мы употребили термин «отторгнутые» лишь из-за того, что так можно трактовать содержание полученной цидулки (пусть А. К. не обижается за это устаревшее разговорное слово — мы же не восприняли за обиду приведенную им поговорку о «наших баранах»!)...

Но вначале — о некоторых аспектах отработки летней практики студентами-журналистами, хотя, видимо, об этом и поздновато говорить — лето на закате. И тем не менее... Газета «Восход» всегда с радостью принимала на практику студентов, вводила их в штат и давала возможность «отработать». Вот где была возможность для А. К., ныне упущенная! Так что зря, господин студент, вы ее упустили, потеряв другую возможность — выразить свое полное студенческо-читательское отношение к городскому бытию, а заодно — внести лепту в преодолении газетой тенденциозности «с головы до ног». Или в Красноярском университете иначе ориентируют своих воспитанников? Жаль, если это действительно так, ибо все познается в сравнении, особенно когда окунешься не в романтическую, а в прозаическую сторону **газетного производства**. Например, когда вместо 8 журналистов, положенных по штату, газету могут выпускать 2 человека... Впрочем, это практика. А господин А. К. более тяготеет к теории...

Последуем же далее за содержанием послания А. К.

«Статья «О вере истинной, чистосердечной...» опубликована под рубрикой «Спасите наши души?» и в ней автор с помощью православного священника (?) попытался «раскрыть некоторые особенности различных вероучений...» Чувствуете, к чему все идет? Что, мол, православие — вера истинная и чистосердечная, а ребята (т. е. «Свидетели...») заблуждаются и вводят в заблуждение других. Забыли мы хорошее и некогда популярное слово «плюрализм», не прижилось оно в этой стране, так любящей кидаться из крайности в крайность. — если партия, то одна — коммунистическая, если вера, то опять же одна — православная.

МНЕ КАЖЕТСЯ, **районная газета не должна быть трибуной теологических споров...»**

А ведь вы не правы, господин студент. Найдите в статье С. Клина хоть одно слово, которое бы только православие называло верой истинной и чистосердечной — речь идет о поисках людьми такой истинной и чистосердечной веры, которая бы их устраивала. Что же до плюрализма, то ведь, согласитесь, православные проповедники не ломятся в наши двери поздними вечерами, а «Свидетели» почему-то считают это в порядке вещей, или они считают свою веру исключительно истинной и чистосер-

Окончание на 4-й стр.

ПЛЮРАЛИЗМ в прежние годы был и таким, и мы все в него «ходили», и ничего — не роптали, не обижались на какой-либо зажим со стороны «руководящей и направляющей»... **(Фото из архива редакции).**

● К 50-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД ЭРЫ СЁВА

Н. ПИТОМЕЦ

С ПЕРВЫХ дней нападения Германии на СССР наш Дальневосточный фронт, как и страна в целом, начал жить законами военного времени. Шел призыв молодежи, резервистов. После непродолжительной, но достаточно интенсивной подготовки они направлялись на советско-германский фронт. Довольно скоро обстановка на западе потребовала, чтобы и основные боеспособные части ДВФ обеспечивали приток свежих сил в войска, оказывающие сопротивление гитлеровцам.

Дивизия за дивизией шли эшелонами туда, где решались судьбы страны. И мира...

Мог ли при этом генерал Апанасенко, лично отвечая перед диктатором за оборону дальневосточных границ, оставаться спокойным при виде оголяемых соединений?

Хотел бы предложить вниманию читателей следующий пассаж из «Советского Сахалина» 20-летней давности, исполненный, естественно, в тонах того брежневского времени: **«За несколько месяцев до начала боевых действий Центральный Комитет нашей партии принял постановление, в котором были намечены меры к переключению всей экономики Дальнего Востока на обеспечение потребностей дальневосточных фронтов...**

На заводах, фабриках, рудниках и шахтах, на транспорте, рыбных промыслах, в колхозах и совхозах Приморья, Приамурья, Камчатки, Колымы, Северного Сахалина с огромной силой развернулось социалистическое соревнование. Рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция под руководством партийных организаций самоотверженно трудились, снабжая дальневосточные войска оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием.

Перед началом военных действий в войсках и штабах активно развернулась боевая подготовка. Изучались театр боевых действий, группировки противника и его тактика...»

Только в последние годы начали раскрывать документы, из которых явствует, что генерал Апанасенко самостоятельно формировал новые части и соединения, взамен убывших на западный фронт, и размещал их на тех же позициях. Как это удавалось? Уму непостижимо! Одно известно, органы тыла Красной Армии не выделяли на новые дивизии ДВФ ни продовольствия, ни вооружения. В Москве о «проделках» генерала знали, но смотрели на них сквозь пальцы: дескать, мешать не станем, но и помогать — увольте.

Да, Апанасенко сосредоточил в своих руках огромную власть. Его распоряжения были обязательны для всех партийных и хозяйственных работников, не исключая секретарей крайкомов и обкомов. Он создавал новые военные производства; тысячи учебных винтовок переделали в боевые; наладили ремонт орудий, производство минометов, артснарядов, мин, патронов, радиостанций... «Эмиссары» Апанасенко — наиболее активные офицеры разъезжали по лагерям Колымы и др. регионов Дальнего Востока, выявляя и возвращая в армию командиров и комиссаров — жертв репрессий 1937 — 38 гг.... Словом, командующий не только не снизил численность войск фронта, но — вопреки обстоятельствам! — увеличил их.

Вот вам и постановление ЦК КПСС! В заметках ниже мы покажем судьбу бывшего «зэка» — полковника Артюшина... В батальоне морской пехоты Курильского десанта, по свидетельству очевидцев, находились около 80% бывших «клиентов Колымы», совершивших на о. Шумшу истинный подвиг под под взрывами снарядов собственных кораблей т. н. «поддержки»...

Так что «сваи» были «вбиты» еще генералом Апанасенко, к моменту написания постановления ЦК павшего смертью героя, а потому о нем к тому времени вспоминать сталинским чиновникам было недосуг: помните? «есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»... Как, впрочем, и о многом другом у нас не любили (или не желали!) вспоминать...

Вечная Вам слава, генерал Апанасенко!

Мы же продолжим — что поделаешь! — рассмотрение затронутого аспекта...

ИТАК, повторимся: союзники вносили коррективы в наступательные доктрины, сообразуясь с будущими совместными действиями против Японии.

А мы?

Неблагодарное это занятие — копаться в событиях полувековой давности, в которых к тому же не участвовал. А тем более давать им собственную оценку (имеем ли моральное право?). Но строгий импровизатор Черчилль снова напоминает о себе словами, которыми мы закончили пролог этого повествования...

Поставленное чуточку выше: «А мы?» таит в своем ответе немалой силы взрывной заряд, поскольку мы должны себе точно уяснить, коли взялись за это, — какой могла быть судьба десанта на о. Шумшу (Сюмусю-то), если вообще он был нужен? Пугаться этого вопроса не надо. Ибо автор вынужден привести одно детальное сопоставление, слегка приоткрывающее занавес над другим, более глобальным вопросом: «А была ли доктрина?» Или ее по-прежнему заменяла невероятная жертвенность нашего народа, кровь и жизнь которого без счета клались на алтарь побед больших и побед малых?

Сопоставление же следующее: генерал Цуцуму Фусаки к началу нашего штурма имел в своем распоряжении свыше 60 танков, ставших броневым щитом на пути камчатского десанта. В десанте, напротив, не было ни одного танка, не говоря уж об артиллерии, которую сумели выгрузить, да и ту на конной тяге, только на вторые-третьи сутки боев, когда и нужда в ней отпала...

Продолжение. Начало в № 34.